Рос. газ. — 1993. — 4 авг. — с. 2

Домовой Пушкиногорья ушел...

Смерть Семена Степановича Гейченко — это еще одна брешь, которую судьба проломила в нашей культуре. Его имя не требует ни определений, ни характеристик: оно самодостаточно. Гейченко — и тут же всплывает великое имя: Пушкин. А может быть, все же война догнала своего солдата? Солдат-инвалид пришел с войны и взялся за самое основное и главное в жизни, за возрождение духовного, возрождение пушкинского гнезда — Михайловского.

Он был созидателем. Пока он жил, за Пушкина и за все многое, что связано с ним и что так дорого русскому сердцу, было спокойнее. Гейченко сохранит. Гейченко отстоит.

Гейченко умер.

Сергей ЕСИН,
писатель, ректор
Государственного
литературного института
им. А. М. Горького.

◇

Полвека отдал он Святогорью — пушкинскому лукоморью, во многом именно благодаря его радению ставшему поистине святым местом для всякого русского — и не только русского — сердца, отзывчивого на подлинность и красоту.

«Добрый домовой» Михайловского, он нес пушкинский свет по миру. И мир благодарно отзывался ему.

Помню, например, как зачарованно внимали Семену Степановичу моряки под жерлами орудий на Северном флоте и на поржавелом, побитом волнами рыболовном траулере «Пушкин».

Семена Степановича теперь не будет, и непонятно, как это теперь его не будет?

Борис РОМАНОВ,
первый секретарь
Союза писателей России.